

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 7

Санкт-Петербург
2013

И. В. Черказьянова

ЛЕНИНГРАДСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ: СОБЫТИЯ 1941—1942 гг.

История немцев Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны до настоящего времени остается малоизученной темой. Об этих событиях можно найти сведения в общих исследованиях, посвященных этническим репрессиям и перемещениям на Северо-Западе России¹. Опубликован ряд документов, касающихся немцев Ленинграда и немецких поселений в годы войны². Изданы небольшие по объему воспоминания немцев — жителей блокадного Ленинграда³, а также краеведческие исследования о старейших немецких колониях под Ленинградом — Стрельнинской и Новосаратовской⁴. Авторы краеведческих очерков о немецких колониях, опубликованных на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости», военный период либо вообще не освещают, либо с ошибками и вкось⁵. В 2010 г. была предпринята попытка исследовать выставочными средствами историю Стрельнинской немецкой колонии. В сентябре состоялась презентация передвижной выставки и каталога к ней⁶. К 70-летию массовой депортации российских немцев появились статьи о ленинградских немцах военного времени⁷.

Особенностью военной истории ленинградских немцев является ее многоплановость и глубочайший драматизм ситуации, порожденный чередой событий. Значительная часть области (включавшей до 1944 г. современные Ленинградскую, Пековскую, Новгородскую и часть Вологодской области) была оккупирована уже в первые месяцы войны. Ленинград оказался в блокаде, и на долю жителей города и пригородов выпали беспрецедентные страдания. На фоне военных событий продолжались политические репрессии не только против отдельных личностей, но уже против целых народов.

В начале 1927 г., к моменту создания Ленинградской области, немецкое население области составляло 7384 чел.⁸ К 1937 г. его численность выросла до 15 078 чел. (в области) и 14 239 чел. (в Ленинграде)⁹. Всесоюзная перепись населения 17 января 1939 г. зафиксировала уменьшение числа немцев в городе до 10 104 чел., в области — до 12 766¹⁰. Общее сокращение на 6480 чел. в течение двух лет связано в значительной мере с репрессиями 1937—1938 гг., которые в конце 30-х годов приобрели ярко выраженный национальный характер.

Перед началом войны в пригородах Ленинграда успешно развивались колхозы и совхозы с преобладающим немецким населением. Во Всеволожском районе это колхозы «Ударник» (Ковалево), «1 Мая» (Янино), «Красный механизатор» (Новосаратовская колония и 3 семьи из Уткиной Заводи), «Рот Фронт» (Веселый поселок). В Слуцком районе самым крупным был колхоз-миллионер им. Тельмана (Колпинская колония), объединявший 213 семей. Он был и крупнейшим в области, участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 и 1940 г. В Красносельском районе выделялись колхозы «Роте Фане» (Стрельнинская колония) и им. Обкома МОПРа. Немцы составляли значительную часть среди рабочих в совхозах Слуцкого района Средняя Рогатка, Шушары, им. Бадаева, «Большевик». В основном это были передовые хозяйства молочного и овоще-картофельного направления. В Почетную книгу ВСХВ 1940 г. были вписаны колхозы «Красный механизатор», им. Обкома МОПРа, «Роте Фане», «Арбайтер» (Ораниенбаумский район), им. Карла Либкнехта (Парголовский район), им. Макса Гельца, им. Тельмана, совхоз Средняя Рогатка¹¹. До 1939 г. на территории области имелось пять немецких сельсоветов, в том числе два в современной Новгородской области (Новониколаевский и Александровский).

Многие жители пригородных поселений работали на городских предприятиях. Из Стрельнинской колонии, например, на «Пишмаше» (завод пишущих машинок)¹² и «Красном треугольнике» (завод резиновых изделий), из Колпинской колонии — на Ижорском заводе, из Средней Рогатки — на мясокомбинате «Самсон». Мужчины из колонии Гражданка нанимались возчиками в артель «Выборгский транспортник». Рабочие места для колонистов Гражданки давал Политехнический (в 1934—1940 гг. — Индустриальный) институт, находившийся по соседству. Новосаратовцы были среди работников ГЭС № 5 (электростанция «Уткина Заводь», ГРЭС «Красный Октябрь»).

На новгородской земле крупнейшими немецкими колониями были Новониколаевская (Новгородский район) и Александровская (Чудовский район). К 1 апреля 1922 г. в Новониколаевке было зарегистрировано 1580 жителей, в Александровке — 720. Кроме того, компактные группы немцев проживали в Новгороде (500), Старой Руссе (420), Малой Вишере (370), Чудово (90), Мало-Михайловской колонии (220), на станции Окуловка (557). Всего в Новгородской губернии насчитывалось 6984 человек¹³. Часть немецкого населения составляли выходцы из Поволжья, покинувшие свои места во время голода 1921 г.

В Пекове также еще с дореволюционных пор существовала этническая группа немцев. По итогам Первой всероссийской переписи населения 1897 г., в городе насчитывалось 2660 лютеран, из которых 1265 человек назвали немецкий язык родным¹⁴. Это были врачи и аптекари, купцы, мукомолы, кондитеры и пивовары, ремесленники.

Начало войны и исчезновение немецких колоний

С первых дней войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после взятия городов Острова (6 июля) и Пскова (9 июля) военные действия разворачивались непосредственно на ее территории. 8 сентября вокруг Ленинграда замкнулось блокадное кольцо. 15 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу между Стрельной и Урицком (Лигово), что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма, замкнутого с востока линией между Старым и Новым Петергофом, с запада — по берегу реки Воронка.

Пристальное внимание к военной хронике лета 41-го обосновано — за развитием военных действий встает судьба немецкого населения области и самих поселений. В блокадном кольце вместе с жителями Ленинграда, Кронштадта и Сестрорецка оказались немецкие колонии Всеволожского и Парголового районов: Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Ижора (Колпино), Гражданка. За блокадным кольцом, в зоне оккупации, остались колонии: Стрельнинская, Кипень, Порховская, Эгиоп, Ямбург, на Ораниенбаумском пятачке — Кронштадтская, Знаменская, Петергофская, Ораниенбаумская колонии.

Эвакуация населения, предприятий, культурных ценностей должна была разгрузить Ленинград, но с приближением фронта сюда хлынули беженцы из ближних и дальних районов. Началось активное перемещение людей и внутри города. Население из южных окраин

города и пригородов сначала стихийно, а с 16 сентября, после выхода постановления Военного совета Ленинградского фронта о переселении лечебных учреждений и женщин с детьми из южных в северные районы, организованно стало покидать свои дома. По свидетельству И. Д. Зеленой, 17 сентября «Васильевский остров был наводнен переселенцами из Автово и других южных окраин»¹⁵. Среди беженцев оказались и многие немцы из Средней Рогатки.

Население Колпино также росло с каждым днем за счет беженцев, но вскоре уже и сами колпинцы искали более безопасных мест. По воспоминаниям Э. Я. Шмидт, жительницы колонии Веселый поселок, в первые месяцы войны к ним прибыли жители из Колпино, их расселяли по семьям¹⁶. Семья М. Я. Гера из Верхней Колпинской колонии осенью 1941 г. была переселена эвакуационным Волodarского района в Новосаратовскую колонию, они разместились в доме № 182. Бегство к родственникам или эвакуация в более «безопасные», как тогда казались, Василеостровский и Петроградский районы было лишь временным решением проблем. Бомбардировки и артобстрелы не оставляли шансов спастись где-то в «безопасном» месте, с сентября 41-го таких в Ленинграде больше не было.

До последнего дня, пока территория не была захвачена противником, многие жители пригородов, включая немецкую Стрельну, продолжали ездить в город на работу по специальным пропускам. Никто не мог поверить, что враг так близко подойдет к стенам города, тем не менее значительная часть населения пригородов оставалась на распутье — оставаться у себя дома либо бежать в город. Кто-то уехал на работу и не смог вернуться к семье. Многие отвезли к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты, а сами оказались в оккупации.

Судьба немецких поселков сложилась по-разному, в большинстве своем они были разрушены уже в конце 1941 — начале 1942 г. Колпинская и Среднерогатская колонии, через которые проходил передний край обороны Ленинграда, были полностью уничтожены в ходе боев. Стрельнинская колония была захвачена фашистами 14–15 сентября 1941 г., значительные разрушения жилью, постройкам, церкви и школе были нанесены при артобстрелах. Кронштадтская колония, единственная из всех колоний, не пострадала от артиллерии ни одной из сторон.

Новосаратовка тоже оказалась близ линии обороны города. Решением Военного совета Ленинградского фронта от 31 августа 1941 г.

1-й, 2-й, 3-й и 5-й истребительные батальоны Ленинграда были переброшены для обороны правого берега Невы в район колонии Овцыно—Шереметьевка¹⁷. В.М. Пименов пишет: «Рабочий батальон 5-й ГЭС должен был оборонять правый берег Невы, чтобы противник не мог пройти с Невы. Остальные батальоны, которые были расположены в городе, начинали оборону с Саратовской колонии. Там были их рубежи»¹⁸.

О том, как уничтожались поселки в ходе боев, свидетельствует история Колпинской колонии. Внешняя линия обороны Ленинграда проходила по ее южной оконечности — по территории Третьей колонии. 28 августа передовые части гитлеровцев заняли Ям-Ижору, но дальше они продвинуться не смогли. Лишь 15 сентября 1941 г. штурмовой отряд захватил шесть колониетских домов, однако уже 17 сентября Ижорский батальон выбил фашистов¹⁹. На протяжении всего периода обороны колония оставалась в руках советских бойцов.

Методичный обстрел передовой линии разрушал одновременно и все постройки в этой колонии. Командир взвода 125-й СД Н.П. Еругин вспоминает о событиях октября 1941-го: «В нескольких десятках метров от оставшейся еще маленькой кирки в Третьей немецкой колонии <...> немцы без счета, без меры месили дорогу и окопы большими и маленькими снарядами, минами. И каждый вечер немецкая автоматическая пушка зажигательными снарядами поджигала ближе к Колпино оставшиеся еще деревянные домики, которые горели по ночам, освещая подходы к нашей передовой. Разваливали они методически и эту толстенную немецкую кирку»²⁰.

Судьба новгородских колоний была столь же трагичной, как и ленинградских. Александровка и Новониколаевка, расположенные по линии Волховского фронта, были буквально стерты с лица земли. Александровская колония оказалась в зоне временной оккупации, бои за нее велись дважды, при отступлении Красной армии, а затем в ходе контрнаступления в ноябре—декабре 1941-го. Упоминания о ней неоднократно встречаются в воспоминаниях участников Любанской операции 1942 г. как об одном из населенных пунктов вблизи фронта, через который шли военные части к передовой, в район Мясного Бора. Во время боев зимой 1941 г. — весной 1942 г. здесь стояли огневые позиции советских войск, в итоге колония была «полностью сожжена и сравнялась с землей»²¹.

В 1941 г. из 72 районов Ленинградской области полностью были заняты 51 район и 12 районов частично, среди последних — пригород-

ные районы Ленинграда: Красносельский и Слуцкий. Ленинград стал городом-фронтом. Часть немецкого населения оказалась на захваченной противником территории, другая — в блокадном кольце.

Депортация немецкого населения в первые месяцы войны

С первого дня войны в Ленинграде было введено военное положение. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» за военными властями закреплялись полномочия на выселение лиц, признанных «социально опасными». Одновременно с этим активизировалась и работа НКВД по выявлению «антисоветских элементов». Согласно директиве НКВД СССР от 28 июня 1941 г. пресекалось распространение провокационных слухов, которые могли посеять панику среди населения. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника Управления НКВД Ленинградской области «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу «опасных лиц» были отнесены наряду с другими немцы и финны. Комплекс мер, принятых в начальный период войны, свидетельствовал об усилении политического контроля в городе и ужесточении репрессивного механизма государства.

В это же время по всей стране шла волна репрессий против российских немцев. 15 августа началась депортация немцев из Крыма. 28 августа 1941 г. был подписан, а 30 августа опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». С сентября по ноябрь 1941 г. немцы были выселены практически со всей европейской территории страны: из Москвы, Московской, Тульской, Ростовской, Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской, Воронежской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского краёв, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Дагестанской и Чечено-Ингушской автономных республик, Азербайджанской, Грузинской и Армянской ССР. Одной из последних прошла акция по выселению немцев из Куйбышевской области, проводившаяся на основании распоряжения Совета народных комиссаров СССР от 21 ноября 1941 г.

Репрессии затронули и немцев-военнослужащих в действующей армии. Во время войны на службе находились 33 516 российских немцев, в том числе 1605 офицеров. Среди защитников блокадного Ленинграда были майор Н. Витте, капитан И. Шпиллер, лейтенант А. Кобмахер, младший лейтенант Д. Шибельгут, сержант Г. Кельбе-

кер, красноармейцы И. Альмаер, Г. Шпаер и др. В действующей армии были и немцы-колонисты из-под Ленинграда. А.К. Паль из Новосаратовки был призван в июле 1941 г., пропал без вести в марте 1942 г. Без вести пропали и муж Софии Петровны Биллер И.И. Столбов (в апреле 1944 г.) и сыновья Владимир и Александр, проживавшие в той же колонии. В боях под Тулой погиб сын Якова Амана из Стрельнинской колонии.

С 8 сентября 1941 г. на основании директивы наркома обороны началось массовое удаление немцев из армии. 29 октября 1941 г. был издан приказ заместителя наркома обороны СССР Л.З. Мехлиса об удалении немцев, финнов, латышей, литовцев и других «сомнительных лиц» из частей 52-й армии, сражавшейся в районе Тихвина. Из немцев-фронтовиков сформировали строительные батальоны, положившие начало трудармии.

Частью сталинских репрессий военного периода стала депортация ленинградских немцев, которая прошла в два этапа: в августе—сентябре 1941 г. и марте 1942 г.

22 августа началось наступление на Ленинград. Нарастание угрозы и слабость военно-политического руководства, которое отвечало за защиту города, вызвало необходимость командирования в Ленинград представителей высших органов власти. Спецкомиссия ГКО прибыла 26 августа и должна была решать совместно с военным командованием все вопросы обороны Ленинграда, эвакуации предприятий и населения. Комиссия приняла ряд решений, большая часть которых так и не была реализована. Ситуация на фронте резко менялась, давались противоречивые оценки положения на местах, это приводило к тому, что по одному и тому же вопросу в течение нескольких дней издавались несовместимые постановления, окончательно дезориентировавшие местные власти.

Невыполнимые и невыполненные планы по депортации немцев и финнов, принятые в эти же дни, вероятно, можно отнести к этой же категории документов. Достаточно сравнить хронику появления разных постановлений с ходом военных действий, чтобы убедиться в их нереальности.

26 августа Военный совет Ленинградского фронта принял секретное постановление «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда»²². Выселению подлежали 88 700 финнов и 6 700 немцев, проживающих в Ораниенбаумском, Красносельском, Слуцком, Красногвардейском, Тоснен-

ском, Мгинском, Всеволожском и Парголовском районах. Место для высылки определялось в Коми АССР и Котласе Архангельской области. Операцию намечалось провести с 27 августа по 7 сентября 1941 г.

28 августа появился план мероприятий, направленных на выполнение постановления Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. Для руководства операцией создавалась тройка в составе начальника УНКВД ЛО П.Н. Кубаткина, зам. начальника секретно-политического отдела НКВД П.Г. Дроздского и зам. начальника УНКВД области А.Д. Макарова. Ленинградский обком ВКП(б) и облисполком должны были оказывать всемерное содействие. Чтобы вовремя успеть вывезти всех намеченных к выселению людей, требовалось ежедневно 20 барж, а также поезд-вертушка от станции Мга до станции Погра Подпорожского района.

На местах создавались районные оперативные «тройки» из сотрудников УНКВД и райисполкомов. Они составляли списки населенных пунктов с указанием количества людей, подлежащих выселению, а также назначали ответственных лиц из числа работников НКВД или милиции, которые обеспечивали доставку людей к месту посадки на баржи или в поезд. Из числа выселяемых назначался свой ответственный, это мог быть председатель колхоза либо кто-то иной. Эвакуация была принудительной, поэтому в случае сопротивления или отказа от выезда зачинщиков следовало арестовывать. Для обеспечения порядка в районах эвакуации туда направлялись военные отряды.

Решение военных властей о депортации немцев и финнов было подкреплено телеграммой уполномоченных ГКО В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина, находившихся в городе, и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданова на имя Сталина. В ней сообщалось: «<...> нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тыс. человек. Предлагаем переселение произвести в Казахстан — 15 тыс. человек, в Красноярский край — 24 тыс., в Новосибирскую область — 24 тыс., в Алтайский край — 12 тыс. и в Омскую область — 21 тыс. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это решение»²³. Телеграмма была передана в Москву 29 августа в 10 часов утра.

Днем 29 августа противник захватил станцию Мга, и полностью прервалась железнодорожная связь города со страной. О вывозе людей из пригородов Ленинграда по железной дороге уже не могло быть и речи.

Однако уточнение планов выселения продолжалось. 30 августа зам. наркома НКВД В. Н. Меркулов направил наркому НКВД Л. П. Берии специальное сообщение с кратким изложением плана мероприятий по эвакуации немцев и финнов²⁴. В частности, речь шла о необходимом транспорте. Требовалось 190 барж из расчета по 500 человек на каждую или 1800 вагонов (по 50 человек на вагон). Меркулов ссылаясь на указание Молотова, находившегося в Ленинграде, о том, чтобы при посадке в вагоны финнам и немцам отдавалось предпочтение. В документе говорилось, что имеются порожние вагоны, а их количество зависит от числа прибывающих в Ленинград поездов. Отмечалось, что движение по железной дороге осуществляется через единственную линию связи у ст. Мга, которую немцы систематически бомбят, что затрудняет проход поездов. В тот же день Берия издал секретный приказ № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР»²⁵.

События на фронте стремительно развивались. Блокадное кольцо стягивалось вокруг Ленинграда, сообщение с внешним миром наземным транспортом было прервано. Тем не менее существуют данные о том, что около 28 тыс. немцев и финнов успели выселить в этой остро развивавшейся ситуации, основная часть их была размещена в Вологодской области (около 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область²⁶. В этом потоке депортированных немцев и финнов, по нашему убеждению, преобладали жители новгородских колоний и хуторов.

По воспоминаниям бывших жителей Новониколаевской колонии, их выселение началось до оккупации Новгорода, то есть до 19 августа, в то время, когда фронт приближался к городу. Сестры Штро — Магдалина и Елизавета — вспоминают: «В середине августа 1941 г. начались интенсивные бомбежки Новгорода и его окрестностей. Вместе с другими жителями Новониколаевской колонии мы укрылись в лесу. Затем по распоряжению властей нас погрузили на машины и переправили на Валдай, а оттуда поездом, в теплушках, на Урал и определили в д. Васильевка»²⁷. В спецсообщении зам. наркома госбезопасности Б. З. Кобулова имеются сведения о прибытии 11 сентября 1941 г. в Гаврилов-Посадский район Ивановской области 78 немцев, в большинстве это были «женщины, эвакуированные из Николаевской колонии (из-под Новгорода)»²⁸.

Уникальная судьба была у небольшой группы немцев Ленинграда, эвакуированных в конце августа 1941 г. в Поволжье. Спаслись от бло-

кады, но, оказавшись в Саратове, они попали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа и оказались в Сибири. Из справки отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве расселяемых немцев Поволжья выясняется, что в числе поволжских немцев оказались 96 человек из Ленинградской области (7 немцев, 89 финнов)²⁹.

Остается неясной нормативная сторона депортации новгородских немцев — пока не обнаружены документы, регулирующие их выселение. Можно предположить, что на них распространялось действие августовских постановлений Военного совета Ленинградского фронта, однако они появились уже после выселения Новониколаевской колонии, и, кроме того, новгородские колонии находились на территории Волховского фронта. Вероятно, следует обратиться к документам высшего эшелона власти, принятым в отношении «социально опасных» элементов, а также предоставляющим широкие полномочия военным властям в зоне действия военного положения, как к правовой основе для выселения немцев современной Новгородской области. Это в первую очередь Указ Президиума Верховного Совета СССР о военном положении от 22 июня 1941 г. Здесь можно провести аналогию с выселением немцев Крымской АССР, в отношении которых в самом начале не было специальных постановлений ГКО или Военного совета фронта. При формировании 51-й Отдельной армии Ставка Верховного главнокомандования РККА предписывала «очистить немедленно территорию [Крымского] полуострова от местных жителей — немцев и других антисоветских элементов»³⁰. В соответствии с этим документом и постановлением Совета по эвакуации № СЭ-75-с от 15 августа 1941 г. из Крыма до 11 сентября 1941 г. было выселено около 60 тыс. немцев. Приказ Военного совета Южного фронта о выселении немцев Крыма появился только 26 августа 1941 г., когда депортация шла полным ходом. При этом обращает на себя внимание совпадение времени принятия советами фронтов постановлений о выселении ленинградских и крымских немцев — 26 августа.

Среди исследователей еще нет единой точки зрения на происхождение и реальное существование другого документа высших органов власти, который предопределил судьбу поволжских немцев и оказал влияние на принятие решений в отношении других групп российских немцев. Речь идет о совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935-сс от 12 августа 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». На его существовании настаивают Н.Ф. Бугай,

М.А. Вылцан, В.Н. Земсков, но решительно отрицает А.А. Герман, так как под таким номером и с таким названием документ вышел 12 сентября 1941 г., а документ от 12 августа не найден³¹. А. Айсфельд прослеживает косвенные свидетельства, которые могли бы подтвердить его существование, — ссылки на документ от 12 августа в учетных карточках целого ряда депортированных немцев Украины³².

Есть ряд частных вопросов, которые ждут дополнительных исследований. Как шло выселение тех немцев, которые оказались на временно оккупированной территории под Новгородом? Успели их выселить до захвата или выслали после фильтрации с вновь освобожденной территории? Например, как могли быть выслааны 21 ноября 1941 г. Паль Анна Ивановна (1933 г.р.) и Шефер Федор Яковлевич (1936 г.р.) с их родителями, если в учетной справке говорится, что они проживали в Новгороде? Вероятно, на момент депортации они жили уже не в Новгороде, а оказались в числе беженцев за пределами города.

Немецкое население в блокадном кольце и возобновление депортации весной 1942 г.

Блокада Ленинграда тесно переплела судьбы немцев-ленинградцев и немцев-колонистов, оказавшихся в это время в осажденном городе. Одни уже постоянно жили и работали в городе, другие, спасаясь от наступающей армии противника, бежали к родственникам, третьих эвакуировали с окраин вглубь города. Надвигающаяся на Ленинград катастрофа усугублялась тем, что многие семьи оказались разорванными: одни остались в оккупации, другие — в блокадном кольце, часть еще до войны была репрессирована, и сведений о них родственники не имели.

Сколько было в городе немцев, сколько из них погибло, сегодня ответить на эти вопросы невозможно. Ведь даже общее количество жертв блокады до конца не выявлено. Нами с сайта «Возвращенные имена. Блокада»³³ были выбраны имена погибших людей — носителей традиционных немецких фамилий, всего около 1200 имен. Подсчеты показали, что среди этих имен были семьи: Аман — 28 чел., Бадер — 5, Бауэр — 6, Бендер — 21, Бок — 33, Бреннер — 10, Бутц — 9, Вальтер — 45, Гаген — 10, Гевейлер — 18, Герман — 64, Киндеркнехт — 3, Краубнер — 10, Кригер — 5, Кун — 10, Лефлер — 6, Менг — 7, Паль — 15, Реймер — 3, Ульрих — 9, Штейнмиллер — 6, Штрейс — 6, Штро — 14,

Эйдемиллер — 47, Яннен — 2. В числе погибших от голода были жители немецких колоний: Гражданки (А.Ф. Шефер, Г.Н. Шефер, С.Ф. Шефер, О.О. Шмидт), Колпинской (Э.Г. Гевейлер, М.Б. Крафт), Новосаратовской (Х.А. Мейер), Среднерогатской (С.А. Аман, И.А. Эйдемиллер), Янино (П.Е. Аман). В первые недели и месяцы блокады, пока у людей были силы и позволяли финансовые возможности, еще пытались хоронить близких на кладбищах. Так, на Смоленском лютеранском кладбище похоронены: Ш.Ф. Берг, В.Л. Бергман, художник Ф.Ф. Бухгольц (участок № 98, рядом со скульптором М.Л. Диллоном, надгробие утрачено), И.-П.Ф. Герман, профессор математики Н.Н. Гернет (участок № 54), К.Ю. Гессе, архитектор Г.Д. Гримм (участок № 17), Е.М. Рейхардт, Ю.Ю. Тиссен, В.И. Штамлер, Ш.К. Штро.

Многих имен нет в базе данных о жертвах блокады, но их имена называют выжившие родственники и друзья. София Матвеевна Аман свидетельствует о смерти ее родных Польшберг (5 чел.) и Вальтер (4 чел.), живших на Васильевском острове³⁴. По воспоминаниям писателя Роберта Лейнонена, происходившего из немецко-финской семьи, практически вся семья (11 чел.) погибла в первую блокадную зиму. В живых остались они с сестрой³⁵. Скончались родители и сын расстрелянного Петра Гергардовича Пеннера (1899—1937), директора Ленинградского немецкого педтехникума.

Воспоминания немцев Ленинграда, которые детьми пережили блокаду, ничем не отличаются от других подобных воспоминаний. Голод, болезни, холод, разруха, страх, сиротство. Г.А. Линденбург встретил войну 11-летним мальчиком. После ареста отца в июле 1941 г. остались мать, Елена Ланге, и он с братом Владимиром. Мать скончалась в феврале 1942 г., и старший брат отвел Германа в детский дом. Детдомовцев эвакуировали весной 1942-го на Кубань, которую осенью 1942 г. оккупировали фашисты. Детей поместили в интернат под надзор полиции. Герман с двумя товарищами дважды пытался бежать, второй раз удачно. Скитались, к зиме оказались в станице Крыловской Краснодарского края. Станичники приютили детей, а в 1944 г. Германа определили в Ейское военное училище³⁶. И.К. Рышкова (урожд. Думлер) вспоминает первое посещение бомбоубежища, постоянное чувство голода, настенные часы в квартире, ход стрелок которых «мог» чудесным образом приблизить время еды. Сначала умер ее отец, потом — мать. Ирину вместе с другими детдомовцами эвакуировали в августе 1942-го³⁷. В.Ф. Шефер в 1942 г. потерял отца

Федора Владимировича (21 января), мать Елену Александровну (17 февраля), старшего брата Рихарда (25 февраля), тетю Эйдемиллер Софью Александровну (апрель). Дядя Шефер Рудольф Вольдемарович погиб еще в декабре 41-го. «Мне было 13 лет, но у меня в эти дни были самые настоящие мысли о самоубийстве», — пишет Виктор Федорович³⁸. 13 апреля 1942 г. Виктора с детским домом эвакуировали через Ладогу.

С первых дней войны военные, партийные власти, органы НКВД предприняли ряд мер, направленных на нейтрализацию вражеской пропаганды и борьбу с негативными настроениями среди населения. Но реальное положение на фронтах и в осажденном городе усиливали пессимизм населения, который стал особенно нарастать с сентября 1941 г. Н.А. Ломагин пишет: «Регулярные репрессивные акции органов НКВД, полностью контролировавших ситуацию в едва живом городе, делали практически невозможным какое-либо организованное выступление против власти. Именно на военные месяцы 1941 г. и первую блокадную зиму пришлось 80 % всех осужденных УНКВД за контрреволюционные преступления в годы войны»³⁹.

4 сентября 1941 г. по подозрению в шпионаже был арестован Александр Филиппович Вальтер (1898–1941), член-корреспондент АН СССР с 1933 г., специалист по физике диэлектриков, директор Научно-исследовательской лаборатории материалов, отделившейся от Ленинградского физико-технического института. Умер (не ранее 9 октября 1941 г.) на этапе в Новосибирск, предположительно на Ладожском озере⁴⁰. Кратковременному аресту подвергся член-корреспондент РАН, востоковед Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1957), в 1942 г. в тяжелом состоянии был эвакуирован из Ленинграда.

Петр Христианович Фогельгезанг (1901–1942) из колонии Овцыно, работавший пожарным на Ижорском лесозаводе, был арестован 11 марта 1942 г. за «антисоветскую агитацию» среди рабочих завода. 4 апреля Военный трибунал вынес приговор о расстреле. Через 48 лет, 4 апреля 1990 г., был реабилитирован президиумом Ленинградского горсуда. «Агитация» Фогельгезанга сводилась к критике положения в блокадном городе.

Уже в феврале 1942 г. возобновилась эвакуация населения из Ленинграда, а в марте прошло выселение немцев из Ленинграда и пригородов. 9 марта появилось повторное постановление Военного совета Ленинградского фронта «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента». К таким «эле-

ментам» относились русские, немцы, финны, поляки, эстонцы и другие ленинградцы. 17 и 18 марта из города были отправлены 5 эшелонов с общим количеством 9785 человек, в том числе 6888 финнов и немцев, административно высланных — 2897. Из города людей отправили поездами до станции Борисова Грива, затем на машинах (автобусах) через Ладогу до станций Кобона, Жихарево, Лаврово. Здесь шло формирование составов: уже два эшелона отправили в Омскую область и три эшелона — в Красноярский край.

Попытки оградить военные объекты от «враждебно настроенных» немцев и финнов путем их внутреннего переселения предпринимались во Всеволожском районе еще в начале сентября 1941 г., поскольку 9 сентября в 16 км от Ленинграда, близ поселка Ковалево, началось строительство военного аэродрома (аэропорт Ржевка). В районе строительной площадки находилась Смольнинская колония, в которой проживали 27 немецких и 27 финских семей. Командование ВВС Ленинградского фронта обратилось к председателю Ленсовета П.С. Попкову с просьбой ускорить выселение жителей колонии, поскольку она «кишит шпионами», которые днем и ночью оповещают противника ракетами. Несмотря на принятое 5 сентября решение Всеволожского райсовета о выселении, жители колонии продолжали оставаться на своих местах⁴¹.

20 марта 1942 г. вышло другое повторное постановление Военного совета фронта «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда». Оно касалось мест компактного проживания немцев и финнов. Были намечены конкретные сроки: в течение 26 и 27 марта 1942 г. отправлять по 7,5 тыс. человек ежедневно. Всю подготовительную работу к эвакуации следовало закончить к 25 марта. Начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Н.Ф. Лагунов должен был обеспечить перевозку населения автотранспортом через Ладогу, из Ораниенбаумского района и Кронштадта перебросить через Финский залив до станции Лисий Нос. Для эвакуации выделялось в распоряжение облисполкома 25 автомашин.

Массовая эвакуация финнов и немцев началась 24 марта. Высылке подлежало 24 600 человек. По состоянию на 28 марта через Ладогу было перевезено и направлено в Иркутскую область три эшелона с немцами и финнами (6788 чел.). Был погружен и ждал отправки в Иркутскую область четвертый эшелон (2570 чел.). На ст. Борисова Грива ожидали отправки в Красноярский край три эшелона (7800 чел.).

Два эшелона еще формировались в пригородных районах, а последние два эшелона должны были грузиться 29 марта. Каждый состав сопровождался спецконвоем войск НКВД в количестве 24 человек во главе с начальником эшелона и оперработником НКВД⁴².

О том, как проходила депортация немцев из Новосаратовки весной 42-го, рассказывает Адам Адамович Шмидт (1921–2011), ставший впоследствии художником, много лет проработавший в Ярославском театре.

Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На подводах людей доставили на станцию Нева (Веселый поселок). Жителям было приказано свалить в скотный сарай все незахороненные трупы, временно хранившиеся в скотном дворе и на кладбище. Шмидт вспоминает: «За день и в день эвакуации “похоронили” — отвезли на скотный двор колхоза — сестру отца и свекровь старшей сестры»⁴³. Затем жителей повезли в вагонах к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидта выселке подлежали 10 человек, в том числе сестры с детьми: Эрна с трехлетним сыном и Тереза с дочерью пяти лет и вторым грудным ребенком. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям поселка, которые не были немцами и не подлежали эвакуации. При посадке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было — ребенка закопали в снег, отметив место словой веткой. Рядом уже выселись два таких же сугроба — похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку⁴⁴.

Маргарита Петровна Рейх (1925–2010), проживавшая с родителями в Ольгино, вспоминала, что их отправляли 28 марта с Лахты. К станции они добирались своим ходом. Состав сначала двинулся к Лисьему Носу для дозагрузки, а потом в Ланскую, где они долго стояли — составляли списки. В вагонах были в основном финны, немного немцев. Через Ладогу переправлялись 29-го, озеро к этому времени уже сильно подтаяло. До станции Назарово Иркутской области они добирались месяц⁴⁵.

Выселение немцев и финнов создавало большие экономические проблемы. До войны во Всеволожском районе существовали 53 колхоза. В сентябре 1941 г. 9 колхозов были эвакуированы из фронтовых сельсоветов, поэтому к началу посевной кампании 1942-го действовали 44 колхоза. Проблема заключалась в том, что 41 колхоз полностью состоял из немцев и финнов, а 2 колхоза — частично. Чисто русским

был один единственный колхоз. Остающийся рогатый скот передавался совхозам «Халтуринец» и Шегловскому, в которых имелось лишь 100 голов скота. Семенной фонд, сданный осенью 1941-го государству на хранение, был истрачен. Поэтому запасы картофеля и зерна выселяемых немцев и финнов обращались в семенной фонд. Оставшиеся трактора в Колтушской МТС (35 машин) некому было обслуживать, так как прежний штат трактористов состоял исключительно из финнов⁴⁶.

В Парголовоком районе к организации выселения были привлечены 173 человека из числа партийно-советского актива, сотрудников НКВД и милиции. Население было оповещено за 24 часа, в отдельных случаях — за 6–8 часов до погрузки в эшелоны. К месту отправки люди были доставлены вовремя, однако из-за опоздания эшелонов на 10–12 часов создалась огромная скученность. Имущество, оставленное немцами, было сразу же взято на учет с составлением акта описи. Председатель райисполкома Великодворский докладывал, что все ценные вещи (велосипеды, швейные машинки) были оставлены в непригодном состоянии (отсутствовали запчасти, в машинках не было челноков). Под сохранную записку был оставлен скот: 599 коров, 2 козы, 23 лошади. Семенных и фуражных фондов в колхозах не было. У населения изъяли 15 т сена и 250 кг картофеля. Все личное имущество было оценено, часть вещей передана в детские дома и больницы, а часть пущена на реализацию через потребкооперацию. За три дня (26–28 марта) было эвакуировано из района 13 875 немцев и финнов. Из-за отсутствия на месте в момент высылки, а также по болезни в тот момент избежали депортации 200 человек⁴⁷.

Из Ораниенбаумского района «по специальному списку» выселили 4485 финнов, 166 немцев и еще 124 человека⁴⁸. В.И. Мусаев приводит факты, свидетельствующие о реакции местного населения на высылку немцев. В районе почти во всех сельсоветах были зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывали⁴⁹.

В Слуцком районе (из выступления председателя райисполкома Вишняковой на совещании у заместителя председателя Леноблсполкома от 24 февраля 1942 г.) в феврале в хозяйствах начали готовиться к севу: восстанавливались парники, велся сбор семян овощей. Особое внимание было уделено колхозу им. М. Гельца (колония Овшыно).

«В колхозе им. М. Гельца копали котлованы, готовят парники, народ шевелится. Если будем давать часть хлеба колхозникам — мы выйдем из положения. В отношении обеспечения овощными семенами. Зерна в колхозе им. М. Гельца было около 2 т спрятано, но оно не отсортировано <...> пока его не берем, так как могут разбазарить. <...> Настроение у колхозников такое, что они хотят сеять, хотят приниматься за работу. Правда, в колхозе им. М. Гельца работу тормозил председатель, мы туда послали агронома, через три дня вышел на работу и председатель»³⁸. Приведенные факты свидетельствуют о том, что немецкий колхоз приступил к работам точно так же, как и другие хозяйства. Февраль еще не предвещал массового выселения немцев, которое пройдет ровно месяц спустя. Более запасливый и предусмотрительный председатель колхоза (в 1939 г. это был Е.Х. Шефф) сумел сохранить значительный для того времени объем семян, но это выглядит в оценке Вишняковой как утаивание («спрятано»).

Формально массовая депортация из пригородов должна была проходить на основании постановления Военного совета от 20 марта, но факты свидетельствуют о том, что постановление от 9 марта о выселении «социально опасного элемента» не сводилось только к отдельным личностям. Его активно применяли для депортации немецких колонистов.

18 марта были выселены жители Новосаратовки: Бич Андреас с женой Софией и приемной дочерью Ниной Карасевой; А.Х. Вализер, С.Я. Вализер, Х.А. Вализер, Я.Х. Вализер, братья Адам и Александр Шмидт. Это были жители Колпинской колонии (Р.Х. Флейшман и Э.Х. Флейшман), семья Я.П. Шмидта из Веселого поселка. 19 марта та же участь постигла других новосаратовцев (Е.П. Финк, М.А. Финк, М.П. Финк, П.Ф. Финк). О выселении вспоминает Георгий Георгиевич Флейшман, в прошлом житель немецкой Гражданки. 18 марта семья (родители и трое детей 1931, 1937 и 1939 г.р.) получила извещение о необходимости эвакуироваться. В срочном порядке собирались, успели продать кое-что из бытовых вещей. Уезжали на битком набитом поезде с Финляндского вокзала. Через Ладогу их перевозили на автобусе 19 марта. На льду стояли зенитки, виднелись промоины от попадания снарядов³⁹. 20 марта выслали немцев жителей Колпино (Е.Е. Гевейлер, Е.И. Гевейлер, С.И. Гевейлер), Средней Рогатки (А.И. Амана), Новосаратовки (Д.Г. Вализер, Т.Г. Вализер).

К апрелю 1942 г. операция по выселению финнов и немцев была в основном завершена. Начальник УНКВД ЛО П. Кубаткин сообщал

наркому Берии 4 апреля 1942 г.⁵², что было выселено из города и пригородов 39 075 человек, в том числе эвакуированных в обязательном порядке немцев и финнов 35 162 человек. Весь контингент был направлен: в Красноярский край — 26 283 человек, Иркутскую область — 9 488, Омскую область — 3 304. Учитывая исключительное значение Кронштадта, из города были удалены антисоветские (67 чел.) и социально опасные (289 чел.) элементы, немцы и финны (75 чел.). Выселенные из сельской местности немцы и финны сдали 1020 коров, 134 лошади, 92 головы мелкого скота, 7540 жилых построек.

Всего с начала войны и до 1 октября 1942 г. были высланы из города и пригородов 58 210 немцев и финнов, 40 231 «социально-чуждого элемента», 30 307 «уголовно-преступного элемента»⁵³. Точное количество немцев, выселенных из Ленинграда и области, пока не удастся уточнить. По одним данным, к концу 1942 г. депортировали 11 тыс. немцев, по другим — только в Красноярский край из Ленинградской области в 1942 г. выселили 18 895 немцев⁵⁴. В.И. Мусаев уточняет, что в марте—апреле 1942 г. «по специальному плану» было выселено 38 112 человек без различия национальности, из них 18 895 человек поселили в Красноярском крае, 8625 — в Иркутской области (из них 3485 чел. отобрали для Якутии), 6247 — в Омской⁵⁵.

Выявление и выселение из Ленинграда отдельных немецких семей продолжалось в течение почти всего 1942 г. Анализ биографических сведений показывает, что акция растянулась до осени 1942 г. С.М. Петровой (дев. Аман) объявили 15 июня 1942 г. о необходимости покинуть город в течение 72 часов, прописку из паспорта вычеркнули. Целый месяц тянулась ее дорога до Омска, а потом по Иртышу дальше на север. Р.Р. Шейде (1926 г.р.) с матерью высланы осенью 1942 г. в Красноярский край⁵⁶, а Эрна Александровна Лазаренко (дев. Бон; 1931 г.р.) с родителями, двумя бабушками и тетей — в июле 1942 г. Отец Эрны работал инженером-конструктором на заводе «Вулкан». На сборы им было отпущено 24 часа. 23 июля обе бабушки Эрны оказались в госпитале в Вологде, через день скончалась одна, а через 15 дней — другая⁵⁷.

Не все немцы были высланы из Ленинграда в 1942 г. Среди тех, кто умер в блокадном Ленинграде в 1943 г., были и носители традиционных немецких фамилий: Аман, Гевейлер, Кун, Лорер, Менг, Паль и др. В воспоминаниях блокадников также встречаются свидетельства об оставшихся в городе немцах. В. Рысаков пишет о декабрьских днях 1942 г.: «К Валентину (соседскому мальчику. — Ч.И.) приходил Фред

(немец 1928 г.р.), который жил по нашей лестнице на 4-м этаже. Они приняли меня в свою компанию, и я нередко проводил свободное время вместе с ними»⁵⁸. Причинами невысылки были тяжелая болезнь, пребывание в больнице, отсутствие на месте по другим причинам, но никак не гуманность исполнителей постановлений.

Судьба немецкого населения Ленинградской области в оккупации

Оккупация Ленинградской области отличалась рядом особенностей от других оккупированных территорий СССР, на которых гитлеровцы ввели свое административно-территориальное управление (рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд»). Как и на другой территории РСФСР, здесь не существовало единой гражданской власти, в городах создавались управы, в сельских районах — комендатуры. В Ленинградской области длительный срок (29 месяцев) существовала военная администрация. Как отмечают специалисты, нигде не было такой продолжительной пропагандистской обработки населения противником, как под Ленинградом. В области имелись примеры краткосрочного нахождения жителей под оккупацией (район Тихвина, Малая и Большая Вишера). Население неоднократно подвергалось фильтрации со стороны оккупантов с целью выявления коммунистов, евреев и пособников партизан, в несколько этапов людей отправляли на принудительные работы. Проверку освобожденного населения проводила и советская сторона.

Голод в зоне оккупации, особенно в городах, приобретал колоссальные размеры, поэтому росла смертность, увеличивалась опасность развития эпидемий. Жители Стрельнинской колонии, оказавшись без жилья, огородов и скотины (забрали оккупанты), начали голодать уже осенью 1941 г.

Особенности оккупации Ленинградской области создавали сложности для развития партизанского движения. Тем не менее известны факты участия или помощи жителей Стрельнинской колонии в партизанской борьбе. Связь с партизанами осуществляли комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Однако вскоре молодые люди были схвачены и повешены в селе. Под Володаркой героически погиб Яков Аман, воевавший в партизанском отряде⁵⁹. Командиром партизанского отряда в Кингисеппе был Паль Яков Адамович, уроженец немецкой колонии Ямбург. Он был выдан оккупантам и казнен⁶⁰.

Положение этнических немцев в блокадном Ленинграде и на оккупированной территории постоянно находилось в поле зрения командования германской 18-й армии. В сводках о положении в городе и событиях в СССР немцы упоминаются неоднократно.

При оценке настроений в Ленинграде в начале октября 1941 г. гитлеровцы выдвигали предположение, что выступают «за сдачу города без боя, вероятно, большая часть оставшейся еще в живых интеллигенции и 30—40 тыс. живущих в Ленинграде немцев». В этом же документе утверждалось, что «заклученные, за исключением рецидивистов и политических, освобождены из тюрем и направлены на фронт, главным образом копать траншеи <...> это не распространяется на всех немцев, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и белорусов, которые продолжают отбывать наказание»⁶¹. В сводке от 9 октября приводится количество немцев в Ленинграде (более 20 тыс.)⁶². 16 октября сообщается об общем количестве населения в городе по итогам переписи 1939 г., о количестве евреев и немцев, эвакуации жителей из прифронтовой полосы⁶³. 8 февраля 1942 г. говорится о том, что «большое количество местных немцев живет в условиях строжайшей изоляции в маленьком поселке Петровская Славянка.<...> Существует секретный приказ, согласно которому лица немецкого происхождения не могут быть отправлены на фронт, как, впрочем, и мужчины, чьи семьи находятся на занятой территории»⁶⁴. В период с 6 по 20 ноября 1941 г. по желанию командования 18-й армией отряды полиции безопасности участвовали в учете этнических немцев. Это происходило в форме перепроверки населения полицией безопасности⁶⁵.

В одной из разработок 18-й армии «по обращению с гражданским населением Петербурга», основанной на соображениях верховного командования вермахта, предусматривались пропуск всего гражданского населения блокированного города через линию фронта и отправка людей в тыловую зону. Одним из преимуществ этого варианта, по мнению разработчиков, было спасение «немцев, финнов и лояльных <...> русских, проживавших в Петербурге»⁶⁶.

Контрнаступление Красной армии под Тихвином в ноябре—декабре 1941 г., а затем события на Волховском фронте в районе Мясного бора в январе—апреле 1942 г. в значительной мере повлияли на судьбу ленинградских немцев. 7 января на Волхове с целью деблокаживания Ленинграда началась Любанская операция, трагически завершившаяся гибелью 2-й ударной армии и пленением командующего армией генерала А.А. Власова. По приказу командующего 18-й армией от

25 января 1942 г. началось выселение немцев из окрестностей Ленинграда, поскольку к этому времени считались возможными прорывы блокады и последующее наступление Красной армии.

По сообщению айнзатцгруппы А, располагавшейся в Гатчине, от 2 января 1942 г., учет этнических немцев, находящихся в прифронтовой полосе, а также в тылу армии, был завершен к началу 1942 г. Отмечается также и военная угроза с советской стороны. «Учет в целом завершен. Принимая во внимание надвигающийся голод, а также угрозу этническим немцам со стороны противника, представляется необходимым поторопиться с транспортом для их вывоза. В тесном сотрудничестве с командованием 18-й армии, проявляющим большой интерес ко всем этническим вопросам, в будущем необходимо приступить к учету проживающих в Ингерманландии эстонцев и финнов. К проведению этого учета привлекаются эстонские офицеры и помощники из числа финского населения»⁶⁷. В сводке от 8 апреля 1942 г. говорилось, что «регистрация эстонцев и финнов в компетенции 18-й армии закончилась. В общей сложности было зарегистрировано 11 415 эстонцев и 64 800 финнов. Изменение этой цифры возможно лишь в наименьшей степени и связано лишь с тем, что за пределами собственно зоны боев, где был запрет на переселение, все еще существовала некоторая миграция»⁶⁸.

Выселение немцев оккупационными властями на запад не было одноразовой акцией. Об этом имеются различные свидетельства.

Свидетельством того, что жители Стрельнинской колонии еще в январе 1942 г. находились в своем поселке, служит, например, тот факт, что Иван Александрович Эйдемилер (1907 г.р.) умер 13 января 1942 г. и похоронен на Стрельнинском лютеранском кладбище⁶⁹.

Семья Филиппа Филипповича Гевейлера из Стрельнинской колонии точно помнит дату отправки в Германию — 12 февраля 1942 г. Жителей Стрельны вначале собрали в Красном Селе, а затем по железной дороге отправили на запад. До лагеря Конитц ехали месяц, в дороге людей сносно кормили, на границе с Латвией провели санобработку.

По детским воспоминаниям жителя поселка Стрельна Ю.П. Крылова, расположенная по соседству Стрельнинская немецкая колония опустела еще осенью. В ней расположилась местная комендатура. Колонистская школа, сложенная из кирпича, была сожжена наполовину. «Говорили, что колонисты уехали в свой Vaterland. Нам было как-то все равно: выехали и выехали, я так, например, даже не заме-

тил, когда. И даже хорошо, что выехали. У нас появилась возможность пошарить в их хоромах, убедиться — не по слухам, а воочию, как они у нас столько лет жили-поживали. Ходил слушок, что сами-то колонисты выехали, а то, что у них было в погребах, им пришлось оставить — на нужды оккупационного гарнизона. Разумеется, появляться нашему брату было строжайше запрещено. <...> На погребах, у входа, рассказывали, красовались убийственные аниплаги: “Halt — Minen!” и прочее в том же духе. <...> Ежедневно в полдень из конца в конец деревни ходил местный комендант»⁷⁰. Мальчик дважды побывал в колонии в поисках хоть какой-то еды, при этом каждый раз он пишет, что улицы стояли заснеженные, был мороз, людей не видно.

Отправка жителей Пушкина в Германию проходила в октябре–ноябре 1941 г., феврале и конце лета 1942 г. Людей сначала направляли в Гатчину, в пересыльный лагерь в Красных казармах, располагавшийся при въезде в город. Из Гатчины эвакуировали в Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию.

В трудовой лагерь в Германии попали немцы из Пушкина — художники Оскар Юльевич Клевер и Сергей Львович Голлербах (после освобождения в апреле 1945 г. в СССР не вернулся). Все жители проходили регистрацию в городской управе, составлялся список лиц нерусского происхождения, после чего объявлялось о предстоящем выселении. Среди выселенных была семья (жена, теща и дочь Светлана) погибшего от голода писателя-фантаста А. Р. Беляева — как представители нерусских меньшинств. Бабушка Светлана была шведкой, не немкой, но тоже попала в списки. В своих воспоминаниях Светлана Александровна пишет об отношении к немецкому языку в ее семье: «Дома мама и бабушка часто говорили по-немецки. Я все понимала, но говорить не хотела. Мама спросит меня о чем-нибудь по-немецки, а я ей в ответ по-русски. Почему меня решили учить немецкому языку? Ну, наверное, по традиции. А вообще-то со стороны моей мамы все были сплошь иностранцы. Отец маминой мамы был эстонцем, мать — шведкой. А общий язык, на котором они могли изъясняться, немецкий. Так что и вся семья, включая детей, говорила по-немецки. Отец моей мамы Константин Антонович был наполовину поляком, наполовину русским. <...> Дедушка воспитывался в Петришуде, и немецкий язык так проник в него, что он даже думал по-немецки»⁷¹. Беляевы были предупреждены об отъезде за сутки, в случае отказа им грозил расстрел. 6 февраля 1942 г. они покинули Пушкин. Сначала были вывезены в Польшу, потом их перебрасывали из одного лагеря

в другой — были в Пруссии, Померании, Австрии, всего в пяти лагерях. В немецком лагере они встретили своих соседей — семью Кремер. В самом начале мае 1945 г. их освободили части Советской армии на территории Австрии. После фильтрации освобожденные пленники были отправлены на спецпоселение в Алтайский край, там оставались 11 лет. После оккупации и немецких лагерей мать Светланы возненавидела немецкий язык, а вид формы немецких специалистов, приехавших в Ленинград после войны, вызывал отвращение. В документе, выданном Светлане Беляевой УВД г. Барнаула, сообщается, что «сведения о добровольном или насильственном выселении в Польшу отсутствуют»⁷².

По свидетельству Лидии Осиповой, жительницы г. Пушкина в период оккупации, автора известного дневника, российских немцев из Пушкина стали вывозить в конце февраля⁷³. Она пишет: «22 февраля... В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех. Кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Немипуренки идут за фольксдойчей... Идти надо в СД к какому-то Райхелю <...> 25 февраля. Уехали с фольксдойчами и Давыдовы⁷⁴. Единственный человек, который нам все-таки как-то помогал. Иванова-Разумника⁷⁵ вели на машину под руки... Как он доедет?»

В феврале же началась эвакуация на запад этнических немцев из Шлиссельбурга.

Ленинградские немцы первыми среди российских немцев были вывезены на запад. Немцы, проживавшие в Белоруссии, на Украине и Кавказе, были угнаны в январе—июле 1943 г. Все они значились административными переселенцами. Германский штаб по размещению вывезенного населения распорядился, чтобы немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга и Луги были размещены «концентрированно», и определил для этого лагерь Конитц в Западной Пруссии. До конца марта 1942 г. 3441 человек прибыли в Конитц и 335 человек — в лагерь Нойнштадт (под Данцигом)⁷⁶.

Новые жители лагеря были крайне истощены. Штаб сообщал, что обычный вес взрослых женщины составлял от 80 до 90 фунтов (40—45 кг)⁷⁷. Из числа ленинградских немцев к октябрю 1942 г. около 500 семей (2104 чел.) были временно расселены в районе Люблина, остальные к весне 1943 г. переведены на территорию Польши, включенную в состав Германского рейха (Reichsgau Wartheland, имперский край Вартегау).

К 12 июля 1944 г. в Вартегау находилось около 240 тыс. этнических немцев из СССР. Из них 180 тыс. выполняли различные работы. На территории Вартегау располагалась сеть пропускных пунктов и лагерей для временного размещения, они были обнесены колючей проволокой и охранялись войсками СС. В лагерях Иммиграционного ведомства этнические немцы проходили проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры лица, включенные в 1-ю и 2-ю категории, получали германское гражданство, включенные в 3-ю категорию получали германское гражданство временно, сроком на 10 лет. После предоставления гражданства мужское население становилось военнообязанным и призывалось в вермахт, полицию и другие военные формирования. Из числа переселенцев создавали также охранные и строительные отряды.

Угнанное население перемещали из одного лагеря в другой, поэтому в биографиях людей фигурируют разные названия лагерей. Упомянутый Ф.Ф. Гевейлер с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом прошли через лагеря Кониц (Konitz), Штаргарт (Stargart), Шенлаг (Schönlage), Бергенриген (Bergenrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg). Аман (дев. Куфель) Августа Петровна, уроженка Ямбургской колонии Кингисеппского района, до войны проживала в Стрельнинской колонии. Ее муж Аман Матвей Яковлевич был расстрелян в 1938 г. В 1942 г. она с тремя детьми (Матвей, 1922 г.р., Елизавета, 1925 г.р., Луиза, 1929 г.р.) была вывезена на принудительные работы в Германию. Скончалась в лагере для перемещенных лиц в Австрии 20 августа 1944 г., похоронена в г. Брук. Мария и Елизавета Ульрих из Стрельнинской колонии, дочери репрессированного Ульриха Эдуарда Петровича, умерли от туберкулеза в 1945 г. в австрийском лагере.

В результате наступления Советской армии, начавшегося 12 января 1945 г., около 200 тыс. административных переселенцев из СССР не смогли покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советскими войсками⁷⁸. Людей освобождали из лагерей и Советская армия, и армия союзников. В зависимости от того, в чьей зоне оккупации они оказывались, во многом складывалась их дальнейшая судьба. В «западной» зоне оккупации было больше шансов остаться в Европе.

Все возвращавшиеся в СССР лица проходили проверку в проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) и проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД. Первые ПФП и ПФЛ были организованы уже в сентябре 1944 г. в приграничных областях на территории

Украины. Вдоль государственной границы СССР до 23 декабря 1944 г. были созданы 15 фильтрационных лагерей НКВД: Болград, Кишинев, Черновцы, Мостиск, Хира, Рава-Русская, Яворов, Владимир-Волынский, Брест, Волковыск, Гродно, Высоколитовск, Пружаны, Выборг, Сортавала⁷⁹. Фильтрационные лагеря и пункты создавались и в советской зоне оккупации. Всего в июле 1945 г. насчитывалось 127 ПФЛ и 57 ПФП⁸⁰.

В определенный день все подлежащие репатриации должны были собраться в назначенном месте. После прохождения контроля немцы направлялись в советские лагеря НКВД и на спецпоселение. В течение 1945–1948 гг. подавляющее большинство угнанных на Запад советских немцев было репатрировано в СССР.

Дальнейшая история депортированных и репатрированных российских немцев сливается в одно русло — это нахождение на спецпоселении до начала 1956 г., запрет на возвращение в родные места и глубочайшая психологическая травма целого народа на долгие десятилетия.

1. *Иванов В.А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; *Ломашин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. Кн. 1–2; 2-е изд. СПб., 2004; *Мусаев В.И.* Этнос и война. Национальные перемещения на Северо-Западе СССР во время Второй мировой войны. 1941–1945 гг. // *Истор.* СПб., 2003. № 6. С. 412–421.

2. См.: Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2005; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005; Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. док. СПб., 2006.

3. Мы дети российских немцев (воспоминания и документы). СПб., 1995; Мы это пережили: Сб. воспоминаний детей блокады немецкого происхождения. СПб., 2003; Впечатления нашей жизни = *Unsere Lebenseindrücke*. — СПб., 2007; Дети и война / сост. В.А. Коробова, Э.Н. Супруненко. СПб., 2010.

4. Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX вв. 2-е изд. СПб., 2010.

5. *Сизёнова Е.* На зависть уездному городу // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 23 дек. [Ижорские колонии]; *Андрейчева В.* На землях графини Шуленбург // Там же. 2012. 3 февр. [Новоалександровская колония].

6. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): каталог образовательной выставки. СПб., 2010.

7. Черказьянова И.В. Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941–1945) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 26–28 авг. 2011 г. М., 2011. С. 493–520; *Она же*. Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев. М., 2011. С. 215–242.

8. Дыштриев С.В. Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // Немцы Сибири: история и культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 63.

9. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов. М., 2007. С. 96, 97.

10. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 62, 63.

11. См.: Почетная книга Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. М., 1940. Т. 15: Ленинградская область.

12. Завод пишущих машинок (Пишмаш, с 1953 г. — ЛЭМЗ) основан в 1930 г., находился в районе Урицка на Ленинградском шоссе, в 17 км от тогдашних границ города.

13. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-265. Оп. 1, Д. 401. Л. 8.

14. Из истории псковских немцев. Псков, 2007. С. 7.

15. Зеленская И.Д. Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 27.

16. Сообщение Эрны Яковлевны Карпенко (Шмидт). [Электронный ресурс.] URL: <http://www.memoial.krsk.ru/svidet/Karpenko.htm>.

17. Из районов области сообщают... С. 101.

18. Пименов В.М. Военный отдел Володарского райкома ВКП(б) в году войны // «Я не сдамся до последнего...» С. 187.

19. Сизёнов Е.П., Ефимов Г.А., Иволга Р.С. Подвигу твоему, Колпино. СПб., 2010. С. 39.

20. Там же. С. 50.

21. См.: Лопатин П.П. Из военного дневника // Трагедия Мясного боя: Сб. воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2010. С. 170. [Запись от 26 мая 1942 г.]

22. Текст постановления см.: Сталинские депортации. С. 326–327; Из районов области сообщают... С. 63.

23. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 160.

24. Сталинские депортации. С. 328–329.

25. Там же. С. 329–330.

26. Мусаев В.И. Этнос и война. С. 414, 416.

27. *Белокопытова О.И.* Политические репрессии на Новгородчине по национальному признаку. Исчезновение немецких колоний // Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Великий Новгород, 2006. Т. 10, С. 335.

28. Иосиф Сталин Лаврентию Берии: «Их надо депортировать» / Вступ. ст., сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992. С. 51.

29. Там же. С. 65.

30. *Айсфельд А., Мартыненко В.* Филтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД–НКГБ–МВД–КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: науч.-док. журн. Киев; Харьков, 2010. № 2(35). С. 100.

31. *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР, 1991. № 2. С. 173; *Вязкин М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 29; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 92; *Герман А.А.* Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. С. 417–418.

32. *Айсфельд А., Мартыненко В.* Указ. соч. С. 102–104.

33. Сайт центра «Возвращенные имена» (РНБ). [Электронный ресурс.] URL: <http://visz.nlr.ru>.

34. *Петрова (Аман) С.* Моя большая дружная семья // Немецкая колония в Стрельне. С. 113.

35. *Черказьнова И.В.* Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области. С. 234.

36. *Линденбург Г.* Мои военные годы // Дети и война. С. 17–21.

37. [Воспоминания И.К. Рышковой] // Дети и война. С. 55–56.

38. *Шефер В.* [Воспоминания] // Мы дети российских немцев. С. 17.

39. *Ломажин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 291.

40. URL: <http://www.lhst.ru/projects/sohist/repress/academy/valter-a.htm>.

41. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 205.

42. *Ломажин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 35–36.

43. Немецкая колония в Новосаратовке. С. 82.

44. Там же. С. 83–84.

45. Мемуары Рейх Маргариты Петровны (рукопись). С. 27–29.

46. Из районов области сообщают... С. 159.

47. Там же. С. 161–162.

48. *Мусаев В.И.* Указ. соч. С. 415.

49. Там же.

50. Из районов области сообщают... С. 137–138.

51. Аудиозапись воспоминаний Г.Г. Флейшмана 2011 г. любезно представлена МСНК.

52. *Ломажин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 37.

53. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 697.
54. *Бувай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» М., 1995. С. 45, 43.
55. *Мусаев В.И.* Указ, соч. С. 415.
56. *Шейде Р.Р.* Вспоминаю блокадные дни ... // Мы это пережили. С. 18.
57. *Лазаренко Э.А.* Воспоминания о некоторых днях, прожитых в период Ленинградской блокады // Мы это пережили. С. 41.
58. *Рысаков В.И.* /900 блокадных дней // Войной украденное детство (специально сказать — пока мы живы). СПб., 2011. С. 122.
59. См.: Немецкая колония в Стрельне. С. 49.
60. Имя Якова Паля высечено на памятнике погибшим партизанам в Кингисепе.
61. *Лозагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 119, 121.
62. Там же. С. 131.
63. Там же. С. 212–213.
64. Там же. С. 192, 196.
65. Там же. С. 177.
66. *Стахов Х.Г.* Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941–1944. М., 2011. С. 215.
67. *Лозагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 182.
68. Там же. С. 205.
69. Генсеалогия семьи Эйдемиллер, составленная И.А. Архипченко. С.-Петербург, 11 марта 2010 г. (рукопись).
70. *Крылов Ю.П.* Путиловский двор. СПб., 2007. С. 284.
71. *Беляева С.А.* Воспоминания об отце. СПб., 2009. С. 63–64.
72. Там же. С. 92.
73. *Пытин В.М.* Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010. С. 119.
74. Давыдов из числа этнических немцев работал переводчиком в службе СД.
75. Иванов Разумник Васильевич (псевд. — Иванов-Разумник) — литературовед, критик, публицист, из дворянской семьи, русский. Выехал из Пушкина как имеющий родных в Литве. Скончался в 1946 г. в Мюнхене.
76. См.: *Айсфельд А.* Административные переселенцы // Немцы России: энцикл. М., 1999. Т. 1. С. 29–31.
77. Информацию сообщил д-р А. Айсфельд (Геттинген) со ссылкой на книгу *M. Leniger* "Nationalsozialistische Volkstumarbeit und Umsiedlungspolitik 1933–1945".
78. См.: *Айсфельд А.* Вартегау // Немцы России. Т. 1. С. 321–322.
79. *Айсфельд А.* Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // 3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ: науч.-док. журн. Київ, 2007. № 2 (29). С. 100.
80. Там же. С. 102.